

Мое дальнейшее разочарование в России

Глава 12. Послесловие

Эмма Гольдман

1924

Глава 12. Послесловие.¹

---

¹ Главы 1-11 книги пока не переведены.

I

Небольшевистские социалистические критики русского провала утверждают, что революция не могла быть успешной в России, потому что промышленные условия не достигли в этой стране необходимой кульминации. Они ссылаются на Маркса, который учил, что социальная революция возможна только в странах с высокоразвитой промышленной системой и сопутствующими ей социальными противоречиями. Поэтому они утверждают, что русская революция не могла быть социальной революцией и что исторически она должна была развиваться по конституционной, демократической линии, дополняемой растущей промышленностью, чтобы страна экономически созрела для коренных изменений.

Этот ортодоксальный марксистский взгляд оставляет без внимания важный фактор – фактор, возможно, более важный для возможности и успеха социальной революции, чем даже фактор наличия развитой промышленности. Это психология масс в данный период. Почему, например, еще не произошла социальная революции ни в США, ни во Франции, ни даже в Германии? Конечно, эти страны достигли промышленного развития, которое Маркс определил как кульминационную стадию. Правда в том, что индустриальное развитие и резкие социальные контрасты сами по себе отнюдь не достаточны для того, чтобы породить новое общество или вызвать социальную революцию. Необходимое общественное сознание, необходимая массовая психология отсутствуют в таких странах, как США и другие. Это объясняет, почему там не произошло социальной революции.

В этом отношении Россия имела преимущество перед другими, более промышленно развитыми и «цивилизованными» странами. Правда, в промышленном отношении она не была столь развита, как ее западные соседи. Но русская массовая психология, вдохновленная и усиленная Февральской революцией, созревала так быстро, что уже через несколько месяцев народ был готов к таким ультрареволюционным лозунгам, как «Вся власть Советам» и «Землю – крестьянам, фабрики – рабочим».

Значение этих лозунгов нельзя недооценивать. Выражая в значительной степени инстинктивную и полусознательную волю народа, они вместе с тем означали полное социальное, экономическое и промышленное переустройство России. Какая страна в Европе или Америке готова воплотить в жизнь такие революционные лозунги? В России же в июне-июле 1917 года эти лозунги стали популярными и были с энтузиазмом и активностью подхвачены в форме прямого действия основной массой более чем 150-миллионного промышленного и крестьянского населения. Это было достаточным доказательством того, что русский народ «созрел» для социальной революции.

Что касается экономической «подготовленности» в марксовом смысле, то не следует забывать, что Россия – преимущественно аграрная страна. Изречение Маркса

предполагает индустриализацию крестьянского и фермерского населения в каждом высокоразвитом обществе, как шаг к социальной пригодности к революции. Но события в России в 1917 году показали, что революция не ждет этого процесса индустриализации и – что еще важнее – не может заставить себя ждать. Российские крестьяне начали экспроприировать помещиков, а рабочие завладели фабриками, не обращая внимания на марксистские догмы. Это народное действие, в силу своей собственной логики, положило начало социальной революции в России, разрушив все марксовы расчеты. Психология славянина оказалась сильнее социал-демократических теорий.

Эта психология включала в себя страстное стремление к свободе, воспитанное столетием революционной агитации среди всех слоев общества. Русский народ, к счастью, остался политически неискушенным, не тронутым развратом и смутой, порожденными «демократической» свободой и самоуправлением среди пролетариата других стран. В этом смысле русский человек оставался естественным и простым, незнакомым с тонкостями политики, парламентских хитросплетений и юридических ухищрений. С другой стороны, его первобытное чувство справедливости и права было сильным и жизненным, без распадающейся тонкости псевдоцивилизации. Он знал, чего хочет, и не ждал, пока «историческая неизбежность» приведет его к этому: он использовал прямое действие. Революция для него была фактом жизни, а не просто теорией для обсуждения.

Так в России произошла социальная революция, несмотря на промышленную отсталость страны. Но совершить революцию было недостаточно. Необходимо было, чтобы она продвинулась вперед и расширилась, переросла в экономическую и социальную перестройку. Этот этап революции требовал наиболее полной реализации личной инициативы и коллективных усилий. Развитие и успех революции зависели от широчайшего применения творческого гения народа, от сотрудничества интеллектуального и рабочего пролетариата. Общий интерес – *лейтмотив* всех революционных начинаний, особенно в их конструктивной стороне. Этот дух общей цели и солидарности мощной волной прокатился по России в первые дни Октябрьско-ноябрьской революции. В этом энтузиазме были заложены силы, которые могли бы сдвинуть горы, если бы их разумно направляли, руководствуясь исключительно заботой о благе всего народа. Средство для такого эффективного руководства было под рукой: рабочие организации и кооперативы, которыми Россия была покрыта, как сетью мостов, соединяющих город с деревней; Советы, возникшие в ответ на нужды русского народа; и, наконец, интеллигенция, традиции которой в течение целого столетия выражали героическую преданность делу освобождения России.

Но такое развитие событий ни в коем случае не входило в программу большевиков. В течение нескольких месяцев после Октября они позволяли народным силам проявлять себя, народ нес революцию во все более широкие русла. Но как только коммунистическая партия почувствовала себя достаточно сильной в правительственном кресле, она начала ограничивать масштабы народного почина. Все последующие действия большевиков, вся их последующая политика, изменения политики, компромиссы и отступления, методы подавления и преследования, террор и истребление всех других политических взглядов – все это было лишь *средством достижения цели*: сохранения государственной власти в руках коммунистической партии. Собственно, сами большевики (в России) этого и не скрывали. Коммунистическая партия,

утверждали они, – это передовой отряд пролетариата, и диктатура должна находиться в ее руках. Увы, большевики рассчитывали остаться без своего хозяина – без крестьянства, которого ни *развёрстка*, ни ЧеКа, ни массовые расстрелы не смогли убедить поддержать большевистский режим. Крестьянство стало той скалой, о которую разбились все самые лучшие планы и замыслы Ленина. Но Ленин, ловкий акробат, умел выкручиваться из сложных ситуаций. Новая экономическая политика была введена как раз вовремя, чтобы предотвратить катастрофу, которая медленно, но верно надвигалась на весь коммунистический строй.

II

Для большинства коммунистов «новая экономическая политика» стала неожиданностью и шоком. Они увидели в ней переворот всего того, что провозглашала их партия, – переворот самого коммунизма. В знак протеста некоторые из старейших членов партии, люди, которые столкнулись с опасностями и преследованиями при старом режиме, в то время как Ленин и Троцкий жили за границей в безопасности, покинули коммунистическую партию озлобленными и разочарованными. Тогда лидеры партии объявили локаут. Они приказали очистить ряды организации от всех «сомнительных» элементов. Из партии были исключены все, кого подозревали в независимой позиции, и те, кто не принимал новую экономическую политику как последнее слово революционной мудрости. Среди них были коммунисты, которые на протяжении многих лет оказывали самую преданную помощь. Некоторые из них, уязвленные до глубины души несправедливой и жестокой политикой и потрясенные до глубины души крушением того, что они считали самым высоким, даже прибегли к самоубийству. Но нужно было обеспечить плавность хода нового евангелия Ленина, евангелия святости частной собственности и свободы жестокой конкуренции, воздвигнутого на руинах четырехлетней революции.

Однако возмущение коммунистов новой экономической политикой свидетельствовало лишь о путанице в головах оппонентов Ленина. Что еще, кроме помутнения рассудка, может одобрять многочисленные акробатические политические трюки Ленина и при этом возмущаться последним кувырком, его логической кульминацией? Проблема правоверных коммунистов заключалась в том, что они цеплялись за непорочное зачатие коммунистического государства, которое с помощью революции должно было искупить мир. Но большинство ведущих коммунистов никогда не питали подобных иллюзий. Меньше всех не питал таких иллюзий Ленин.

Во время первого интервью с ним у меня сложилось впечатление, что он был пронизательным политиком, который точно знал, что делает, и не остановился бы ни перед чем, чтобы добиться своей цели. После неоднократных выступлений и чтения его работ я убедилась, что Ленина очень мало волновала революция и что коммунизм для него был очень далекой вещью. Централизованное политическое государство было для Ленина божеством, в жертву которому должно было быть принесено все остальное. Кто-то сказал, что Ленин готов пожертвовать революцией ради спасения России. Однако политика Ленина доказала, что он был готов пожертвовать и революцией, и страной, или, по крайней мере, частью последней, чтобы реализовать свою политическую схему с тем, что осталось от России.

Ленин был самым податливым политиком в истории. Он мог быть ультрареволюционером, компромиссным и консервативным в одно и то же время. Когда над Россией, как могучая волна, пронесся клич: «Вся власть Советам!» Ленин плыл по течению. Когда крестьяне завладели землей, а рабочие – фабриками, Ленин не только

одобрил эти прямые методы, но и пошел дальше. Он выдвинул знаменитый лозунг «Грабь награбленное», который запутал умы людей и нанес неисчислимый вред революционному идеализму. Никогда прежде ни один настоящий революционер не понимал социальную экспроприацию как передачу богатства от одной группы лиц к другой. Однако лозунг Ленина означал именно это. Беспорядочные и безответственные налеты, накопление новой советской бюрократией богатств бывшей буржуазии, сутяжничество по отношению к тем, чье единственное преступление заключалось в их прежнем положении, – все это было результатом ленинской политики «грабь награбленное». Вся последующая история революции – это калейдоскоп ленинских компромиссов и предательства собственных лозунгов.

Может показаться, что действия и методы большевиков, начиная с октябрьских дней, противоречат новой экономической политике. Но на самом деле они являются звеньями цепи, которая должна была выковать всемогущее централизованное правительство с государственным капитализмом в качестве его экономического выражения. Ленин обладал ясностью видения и железной волей. Он знал, как заставить своих товарищей в России и за ее пределами поверить в то, что его схема – это истинный социализм, а его методы – революция. Неудивительно, что Ленин испытывал такое презрение к своей пастве, которое не стеснялся бросать им в лицо. «Только дураки могут верить, что в России сейчас возможен коммунизм», – так отвечал Ленин противникам новой экономической политики.

В сущности, Ленин был прав. Настоящий коммунизм в России так и не наступил, если только не считать коммунизмом тридцать три разряда оплаты труда, разные районы питания, привилегии для одних и безразличие к основной массе.

В начальный период революции коммунистической партии было сравнительно легко овладеть властью. Все революционные элементы, увлеченные ультрареволюционными обещаниями большевиков, помогли им прийти к власти. Овладев государством, коммунисты начали процесс исключения. Все политические партии и группы, отказавшиеся подчиниться новой диктатуре, должны были уйти. Сначала анархисты и левые эсеры, затем меньшевики и другие противники правых, и, наконец, все, кто осмеливался стремиться к собственному мнению. Подобная судьба постигла все независимые организации. Они были либо подчинены нуждам нового государства, либо уничтожены вовсе, как Советы, профсоюзы и кооперативы – три великих фактора реализации надежд революции.

Впервые Советы проявили себя в революции 1905 года и сыграли важную роль в тот короткий, но значительный период. Хотя революция была подавлена, советская идея осталась в умах и сердцах русских масс. С первым рассветом, озарившим Россию в феврале 1917 года, Советы вновь ожили и расцвели за очень короткое время. Для народа Советы ни в коем случае не представляли собой свертывание духа революции. Напротив, через Советы революция должна была найти свое высшее, свободное практическое выражение. Именно поэтому Советы так стихийно и быстро распространились по всей России. Большевики поняли значение народной тенденции и присоединились к ней. Но, получив контроль над правительством, коммунисты увидели, что Советы угрожают верховенству государства. В то же время они не могли уничтожить их произвольно, не подорвав свой собственный престиж внутри страны

и за рубежом как спонсоров советской системы. Они начали постепенно лишать их полномочий и, наконец, подчинять их своим собственным нуждам.

Российские профсоюзы были гораздо более поддатливы к собственному кастрированию. Численно и революционно они были еще в детском возрасте. Объявив обязательным членство в профсоюзах, российские рабочие организации выросли физически, но психически они оставались в младенческом возрасте. Коммунистическое государство стало кормилицей профсоюзов. В свою очередь, профсоюзы служили прислужниками государства. «Школа коммунизма», – сказал Ленин в знаменитой полемике о функциях профсоюзов. Совершенно верно. Но это древняя школа, где дух ребенка скован и подавлен. Нигде в мире рабочие организации не подчинены воле и диктату государства так, как в большевистской России.

Судьба кооперативов слишком хорошо известна и не требует пояснений. Кооперативы были важнейшим связующим звеном между городом и деревней. Их значение для революции как народного и успешного средства обмена и распределения, а также для восстановления России было неописуемо. Большевики превратили их в винтики правительственной машины и тем самым уничтожили их полезность и эффективность.

III

Теперь понятно¹, почему русская революция, управляемая Коммунистической партией, потерпела неудачу. Политическая власть партии, организованная и централизованная в государстве, стремилась сохранить себя всеми доступными средствами. Центральная власть пыталась принудить народ к деятельности в формах, соответствующих целям партии. Единственной целью последней было укрепление государства и монополизация всей экономической, политической и социальной деятельности, даже всех культурных проявлений. Революция имела совершенно иную цель, и по самому своему характеру она была отрицанием власти и централизации. Она стремилась открыть все более широкое поле для пролетарского самовыражения и умножить фазы индивидуальных и коллективных усилий. Цели и тенденции революции были диаметрально противоположны целям и тенденциям правящей политической партии.

Столь же диаметрально противоположными были методы революции и методы государства. Методы первого были вдохновлены духом самой Революции, то есть освобождением от всех угнетающих и ограничивающих сил, короче говоря, *либертарными принципами*. Методы государства, напротив, – большевистского государства, как и любого другого правительства, – основывались на принуждении, которое в ходе событий неизбежно перерастало в систематическое насилие, угнетение и терроризм. Таким образом, за господство боролись две противоположные тенденции: большевистское государство против революции. Эта борьба была борьбой не на жизнь, а на смерть. Две тенденции, противоречивые по целям и методам, не могли работать гармонично: победа государства означала поражение революции.

Было бы ошибкой считать, что провал революции был обусловлен исключительно характером большевиков. В основе своей она была результатом принципов и методов большевизма. Именно авторитарный дух и принципы государства подавили либертарные и освободительные устремления. Если бы любая другая политическая партия контролировала правительство в России, результат был бы практически таким же. Не столько большевики погубили русскую революцию, сколько большевистская идея. Это был марксизм, пусть и модифицированный; короче говоря, фанатичное государственничество. Только такое понимание глубинных сил, сокрушивших революцию, может дать истинный урок этого потрясающего мир события. Русская революция в малом масштабе отражает вековую борьбу либертарного принципа с авторитарным. Ведь что такое прогресс, если не более широкое принятие принципов свободы в противовес принципам принуждения? Русская революция была либертарным шагом, которая была побеждена большевистским государством, то есть временной победой реакционной, правительственной идеи.

---

¹ Отсюда начинается текст, который известен также как «Почему революция не оправдала ваших надежд».

Эта победа была обусловлена целым рядом причин. Большинство из них уже рассматривалось в предыдущих главах. Однако главная причина заключалась не в промышленной отсталости России, как утверждали многие авторы. Эта причина была культурной, которая, хотя и давала русскому народу определенные преимущества перед своими более развитыми соседями, имела и некоторые фатальные недостатки. Русский был «культурно отсталым» в том смысле, что не был испорчен политической и парламентской коррупцией. С другой стороны, именно это состояние предполагало неопытность в политической игре и наивную веру в чудодейственную силу партии, которая громче всех говорила и больше всех обещала. Эта вера в силу власти послужила закабалению русского народа коммунистической партией еще до того, как широкие массы осознали, что им надели ярмо на шею.

Либертарный принцип был силен в первые дни революции, потребность в свободе слова была всепоглощающей. Но когда первая волна энтузиазма схлынула, уступив место повседневной прозаической жизни, потребовалось твердое убеждение, чтобы поддерживать огонь свободы. На огромных просторах России была лишь сравнительная горстка анархистов, чье число было невелико и чьи усилия, полностью подавленные при царе, не успели принести плодов. Русские люди, в какой-то степени инстинктивные анархисты, были еще слишком незнакомы с истинно либертарными принципами и методами, чтобы эффективно применять их в жизни. Большинство самих русских анархистов, к сожалению, все еще находились в тисках ограниченной групповой деятельности и индивидуалистических усилий против более важных социальных и коллективных усилий. Анархисты, признает будущий непредвзятый историк, сыграли очень важную роль в русской революции – роль гораздо более значительную и плодотворную, чем можно было бы ожидать от их сравнительно небольшого числа. Однако честность и искренность заставляют меня заявить, что их работа имела бы бесконечно большую практическую ценность, если бы они были лучше организованы и оснащены, чтобы направить высвободившуюся энергию народа на реорганизацию жизни на либертарных началах.

Но неудача анархистов в русской революции – в только что указанном смысле – ни в коем случае не свидетельствует о поражении либертарной идеи. Напротив, русская революция неопровержимо показала, что государственная идея, государственный социализм во всех его проявлениях (экономических, политических, социальных, образовательных) полностью и безнадежно обанкротился. Никогда еще во всей истории человечества власть, правительство, государство не оказывались столь неподвижным, реакционными и даже контрреволюционными по своей сути. Короче говоря, антитезой революции.

Как и во время всего прогресса человечества, только либертарный дух и метод могут продвинуть человека на шаг вперед в его вечном стремлении к лучшей, более тонкой и свободной жизни. Применительно к великим социальным потрясениям, известным как революции, эта тенденция столь же сильна, как и в обычном эволюционном процессе. Авторитарный метод терпел неудачу на протяжении всей истории, и теперь он снова потерпел неудачу в русской революции. До сих пор человеческая изобретательность не открыла другого принципа, кроме либертарного, ибо человек воистину изрек высшую мудрость, сказав, что свобода – мать порядка, а не его дочь. Несмотря на все политические догматы и партии, ни одна революция не может

быть по-настоящему и навсегда успешной, если она не наложит категорическое вето на любую тиранию и централизацию и не будет решительно стремиться к тому, чтобы революция стала реальной переоценкой всех экономических, социальных и культурных ценностей. Не простая замена одной политической партии другой в контроле над правительством, не маскировка самодержавия пролетарскими лозунгами, не диктатура нового класса над старым, не смена политической сцены в любом виде, а полный отказ от всех этих авторитарных принципов только и может служить революции.

В экономической сфере эти преобразования должны быть в руках промышленных масс: у последних есть выбор между промышленным государством и анархо-синдикализмом. В случае первого угроза конструктивному развитию новой социальной структуры будет столь же велика, как и со стороны политического государства. Оно стало бы мертвым грузом на пути роста новых форм жизни. Именно поэтому синдикализм (или индустриализм) сам по себе не является, как утверждают его сторонники, самодостаточным. Только тогда, когда либертарный дух проникнет в экономические организации рабочих, многообразная творческая энергия народа сможет проявиться, и революция будет сохранена и защищена. Только свободная инициатива и участие народа в делах революции могут предотвратить страшные ошибки, совершенные в России. Например, при наличии топлива всего в ста верстах от Петрограда не было бы необходимости страдать от холода, если бы рабочие экономические организации Петрограда могли свободно проявлять свою инициативу для общего блага. Крестьяне Украины не испытывали бы затруднений в обработке своей земли, если бы имели доступ к сельскохозяйственным орудиям, сложенным на складах Харькова и других промышленных центров в ожидании заказов из Москвы на их распределение. Это характерные примеры большевистского государственничества и централизации, которые должны послужить предупреждением для рабочих Европы и Америки о разрушительных его последствиях.

Промышленная сила масс, выраженная через их либертарные ассоциации – анархо-синдикализм – одна способна успешно организовать экономическую жизнь и вести производство. С другой стороны, кооперативы, работающие в согласии с промышленными органами, служат средством распределения и обмена между городом и деревней и в то же время связывают братскими узами промышленные и аграрные массы. Создается общая связь взаимного служения и помощи, которая является сильнейшим оплотом революции – гораздо более эффективным, чем принудительный труд, Красная Армия или терроризм. Только таким образом революция может стать катализатором, ускоряющим развитие новых социальных форм и вдохновляющей массы на великие свершения.

Но либертарные, промышленные организации и кооперативы – не единственные носители информации во взаимодействии сложных фаз социальной жизни. Существуют и культурные силы, которые, хотя и тесно связаны с экономической деятельностью, все же выполняют свои собственные функции. В России коммунистическое государство стало единственным арбитром всех потребностей общественного организма. Результатом, как уже говорилось, стал полный культурный застой и паралич всех творческих начинаний. Если мы хотим избежать подобного в будущем, культурные силы, оставаясь укорененными в экономической почве, должны сохранять

независимый масштаб и свободу выражения. Не принадлежность к господствующей политической партии, а преданность революции, знания, способности и – прежде всего – творческий импульс должны быть критерием пригодности к культурной работе. В России это стало невозможным почти с самого начала Октябрьской революции, в результате насильственного отрыва интеллигенции от масс. Правда, первоначальным преступником в этом случае была интеллигенция, особенно техническая, которая в России цепко держалась – как и в других странах – за хвост буржуазии. Этот элемент, неспособный понять значение революционных событий, пытался остановить ход событий путем массового саботажа. Но в России существовала и другая разновидность интеллигенции – со славным столетним революционным прошлым. Эта часть интеллигенции сохранила веру в народ, хотя и не могла безоговорочно принять новую диктатуру. Роковая ошибка большевиков заключалась в том, что они не делали различий между этими двумя элементами. На саботаж они ответили массовым террором против интеллигенции как класса и развернули кампанию ненависти, более интенсивную, чем преследование самой буржуазии, – метод, который создал пропасть между интеллигенцией и пролетариатом и воздвиг барьер против конструктивной работы.

Ленин первым осознал эту преступную ошибку. Он указывал, что грубой ошибкой было бы внушать рабочим, что они могут строить промышленность и заниматься культурной работой без помощи и сотрудничества интеллигенции. У пролетариата не было ни знаний, ни подготовки для выполнения этой задачи, и интеллигенция должна была быть возвращена в русло промышленной жизни. Но признание одной ошибки не уберегло Ленина и его партию от немедленного совершения другой. Техническая интеллигенция была призвана обратно на условиях, которые углубили раскол против режима.

В то время как рабочие продолжали голодать, инженеры, промышленные эксперты и техники получали высокие зарплаты, особые привилегии и лучшие пайки. Они стали изнеженными служащими государства и новыми рабовладельцами масс. Последние, годами вскормленные ложными учениями о том, что для успешной революции нужны одни мускулы и что только физический труд продуктивен, и подстрекаемые кампанией ненависти, клеймившей каждого интеллигента контрреволюционером и спекулянтом, не могли примириться с теми, кого их учили презирать и не доверять.

К сожалению, Россия – не единственная страна, где преобладает такое пролетарское отношение к интеллигенции. Повсюду политические демагоги играют на невежестве масс, внушая им, что образование и культура – это буржуазные предрассудки, что рабочие могут обойтись без них и что только они способны перестроить общество. Русская революция ясно показала, что в деле общественного возрождения необходимы и мозг, и мускулы. Интеллектуальный и физический труд так же тесно связаны в социальном теле, как мозг и рука в человеческом организме. Одно не может функционировать без другого.

Правда, большинство интеллигентов считают себя классом, отдельным от рабочих и превосходящим их, но социальные условия повсеместно быстро разрушают высокий пьедестал интеллигенции. Их заставляют понять, что они тоже пролетарии, еще более зависимые от экономического хозяина, чем рабочий. В отличие от физи-

ческого пролетария, который может взять в руки инструменты и бродить по свету в поисках выхода из неприятной ситуации, интеллектуальные пролетарии прочнее укоренены в своей конкретной социальной среде и не могут так легко сменить род деятельности или образ жизни. Поэтому крайне важно донести до рабочих мысль о быстрой пролетаризации интеллигенции и об общих связях, возникающих между ними. Если западный мир хочет извлечь пользу из уроков России, то демагогическая лесть массам и слепой антагонизм к интеллигенции должны быть прекращены. Это, однако, не означает, что труженики должны полностью зависеть от интеллектуального элемента. Напротив, массы должны уже сейчас начать готовиться и снаряжаться к той великой задаче, которую поставит перед ними революция. Они должны приобрести знания и технические навыки, необходимые для управления и руководства сложным механизмом промышленной и социальной структуры своих стран.

Но даже в лучшем случае рабочие будут нуждаться в сотрудничестве с профессиональными и культурными элементами. Последние также должны осознать, что их истинные интересы совпадают с интересами масс. Как только эти две социальные силы научатся сливаться в одно гармоничное целое, трагические аспекты русской революции в значительной степени будут устранены. Никого не будут расстреливать за то, что он «когда-то получил образование». Ученый, инженер, специалист, следователь, педагог, творческий работник, а также плотник, машинист и другие – все они являются неотъемлемой частью той коллективной силы, которая должна превратить революцию в великого архитектора нового общественного строя. Не ненависть, а единство, не антагонизм, а товарищество, не расстрел, а сочувствие – вот урок великого русского провала как для интеллигенции, так и для рабочих. Все должны познать ценность взаимопомощи и либертарного сотрудничества, но при этом каждый должен уметь оставаться независимым в своей сфере и в гармонии с тем лучшим, что он может дать обществу. Только в этом случае производительный труд, образовательные и культурные усилия будут выражаться во все более новых и богатых формах. Такова для меня всеобъемлющая и жизненная мораль, которую преподала русская революция.

IV

На предыдущих страницах я попыталась указать, почему большевистские принципы, методы и тактика потерпели неудачу, и что подобные принципы и методы, применяемые в любой другой стране, даже с самым высоким уровнем промышленного развития, также должны потерпеть неудачу. Далее я показала, что провалился не только большевизм, но и сам марксизм. Иными словами, ГОСУДАРСТВЕННО-ИДЕЯ, авторитарный принцип, доказали свою несостоятельность на опыте русской революции. Если бы я могла подытожить свой аргумент в одном предложении, я бы сказала: Государству присуща тенденция к концентрации, сужению и монополизации всей социальной деятельности; природа революции, напротив, заключается в росте, расширении и распространении себя во все более широких кругах. Иными словами, государство институционально и статично, а революция – текуча, динамична. Эти две тенденции несовместимы и взаимно разрушительны. Государственная идея погубила русскую революцию и должна привести к такому же результату все остальные революции, если только не *возобладает либертарная идея*.

Однако я иду гораздо дальше. Не только большевизм, марксизм и государственничество являются фатальными для революции, как и для всего жизненно важного человеческого прогресса. Главная причина поражения русской революции лежит гораздо глубже. Она кроется во всей социалистической концепции революции как таковой.

Доминирующая, почти общая идея революции – особенно социалистической – заключается в том, что революция – это насильственное изменение социальных условий, в результате которого один социальный класс, рабочий класс, становится доминирующим над другим классом, капиталистическим классом. Это концепция чисто физического изменения, и как таковая она включает в себя только смену политических сцен и институциональные перестановки. Буржуазная диктатура заменяется «диктатурой пролетариата» – или его «передовым отрядом», Коммунистической партией; Ленин занимает место Романовых, императорский кабинет переименовывается в Совет народных комиссаров, Троцкий назначается военным министром, а рабочий становится военным генерал-губернатором Москвы. Такова, по сути, большевистская концепция революции, воплощенная в реальную практику. И с небольшими изменениями это также идея революции, которой придерживаются все другие социалистические партии.

Эта концепция изначально и фатально ложна. Революция – это действительно насильственный процесс. Но если ее результатом будет только смена одной диктатуры на другую, перемена имен и политических деятелей, то вряд ли она стоит того. Она точно не стоит всей борьбы и жертв, огромных потерь человеческих жизней и культурных ценностей, которые происходят в результате каждой революции. Если бы такая революция даже привела к большему социальному благополучию (чего не

произошло в России), то и тогда она не стоила бы той страшной цены, которую за нее заплатили: простое улучшение может быть достигнуто без кровавой революции. Не полумеры и не реформы являются настоящей целью и задачей революции, как я ее понимаю.

На мой взгляд – тысячекратно усиленный российским опытом – великая миссия революции, СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ, заключается в *фундаментальной переоценке ценностей*. Переоценка не только социальных, но и человеческих ценностей. Последние являются даже главными, поскольку они лежат в основе всех социальных ценностей. Наши институты и условия покоятся на глубоко укоренившихся идеях. Изменить эти условия и в то же время оставить нетронутыми основополагающие идеи и ценности означает лишь поверхностную трансформацию, которая не может быть постоянной или принести реальное улучшение. Это изменение только формы, но не сути, что так трагически доказала Россия.

Великий провал и великая трагедия русской революции заключаются в том, что она попыталась (под руководством правящей политической партии) изменить только институты и условия, полностью игнорируя человеческие и социальные ценности, заложенные в революции. Хуже того, в своей безумной страсти к власти коммунистическое государство даже стремилось укрепить и углубить те самые идеи и концепции, которые революция призвана была разрушить. Оно поддерживало и поощряло все худшие антиобщественные качества и систематически разрушало уже пробудившееся представление о новых революционных ценностях. Чувство справедливости и равенства, любовь к свободе и человеческому братству – эти основы подлинного возрождения общества – коммунистическое государство подавляло до полного истребления. Инстинктивное чувство справедливости было заклеено как слабая сентиментальность; человеческое достоинство и свобода стали буржуазным суеверием; святость жизни, которая является самой сутью социального перестройки, была осуждена как антиреволюционная, почти контрреволюционная.

Это страшное извращение фундаментальных ценностей несло в себе семя разрушения. В соответствии с концепцией, согласно которой революция была лишь средством обеспечения политической власти, все революционные ценности неизбежно должны были быть подчинены потребностям социалистического государства; более того, они эксплуатировались для обеспечения безопасности вновь обретенной государственной власти. «Государственные соображения», замаскированные под «интересы революции и народа», стали единственным критерием действий и даже чувств. Насилие, трагическая неизбежность революционных потрясений, стало устоявшимся обычаем, привычкой, и в настоящее время возведено на престол как самый могущественный и «идеальный» институт. Разве не сам Зиновьев канонизировал Дзержинского, главу кровавой ЧеКа, как «святого революции»? Разве не были оказаны государством величайшие публичные почести Урицкому, основателю и садистскому вождю Петроградской ЧеКи?

Это извращение этических ценностей вскоре выкристаллизовалось в господствующий лозунг коммунистической партии: ЦЕЛЬ ОПРАВДЫВАЕТ ВСЕ СРЕДСТВА. Точно так же в прошлом инквизиция и иезуиты взяли на вооружение этот лозунг и подчинили ему всю мораль. Он отомстил иезуитам так же, как и русской революции. Вслед за этим лозунгом последовали ложь, обман, лицемерие и предательство,

убийства, открытые и тайные. Для студентов, изучающих социальную психологию, должно представлять огромный интерес то, что два столь разных по времени и идеям движения, как иезуитизм и большевизм, *достигли совершенно одинаковых результатов* в развитии принципа, согласно которому цель оправдывает все средства. Эта историческая параллель, почти полностью игнорируемая до сих пор, содержит важнейший урок для всех грядущих революций и для всего будущего человечества.

Нет большего заблуждения, чем убеждение, что цели и задачи – это одно, а методы и тактика – другое. Такая концепция представляет собой мощную угрозу для социального возрождения. Весь человеческий опыт учит, что методы и средства не могут быть отделены от конечной цели. Используемые средства становятся, благодаря индивидуальной привычке и общественной практике, неотъемлемой частью конечной цели; они влияют на нее, изменяют ее, и в конце концов цели и средства становятся идентичными. Со дня моего приезда в Россию я чувствовал это, сначала смутно, потом все более осознанно и отчетливо. Великие и вдохновляющие цели революции стали настолько затуманены и затемнены методами, используемыми правящей политической властью, что трудно было различить, что было временным средством, а что конечной целью. Психологически и социально средства обязательно влияют на цели и изменяют их. Вся история человечества является непрерывным доказательством того, что отказ от этических понятий в методах означает погружение в глубины полного морального разложения. В этом и заключается подлинная трагедия большевистской философии в применении к русской революции. Пусть этот урок не будет напрасным.

Никакая революция не может быть успешной как фактор освобождения, если средства, используемые для ее осуществления, не совпадают по духу и тенденциям с ЦЕЛЯМИ, которые должны быть достигнуты. Революция – это отрицание существующего, яростный протест против бесчеловечного отношения человека к человеку со всеми вытекающими отсюда тысячами и одним рабством. Она разрушает господствующие ценности, на которых невежеством и жестокостью была построена сложная система несправедливости, угнетения и зла. Это вестник **НОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ**, несущий трансформацию основных отношений человека к человеку и человека к обществу. Это не просто реформатор, исправляющий некоторые социальные пороки; не просто замена форм и институтов; не просто повторное перераспределение общественного богатства. В нем есть все это, но еще больше, гораздо больше. Это, прежде всего, **ПЕРЕОЦЕНЩИК**, носитель новых ценностей. Это великий **УЧИТЕЛЬ НОВОЙ ЭТИКИ**, внушающий человеку новое представление о жизни и ее проявлениях в социальных отношениях. Это ментальный и духовный восстановитель.

Его первая этическая заповедь – тождество используемых средств и поставленных целей. Конечной целью всех революционных социальных изменений является утверждение святости человеческой жизни, достоинства человека, права каждого человека на свободу и благополучие. Если бы это не было основной целью революции, насильственные социальные изменения не имели бы оправдания¹. Ведь *внешние* социальные изменения могут происходить и происходили в ходе нормальных процессов эволюции. Революция, напротив, означает не просто *внешние*, а *внутренние*,

---

¹ Здесь заканчивается текст, названный «Почему революция не оправдала ваших надежд».

базовые, фундаментальные изменения. Это внутреннее изменение понятий и идей, пронизывающее все более широкие социальные слои, в конце концов достигает кульминации в насильственном перевороте, известном как революция. Должна ли эта высшая точка повернуть процесс переоценки вспять, обернуться против него, предать его? Именно это и произошло в России. Напротив, сама революция должна ускорять и развивать процесс, совокупным выражением которого она является; ее главная миссия – вдохновлять его, поднимать его на большую высоту, давать ему полную свободу выражения. Только так революция будет верна себе.

В практическом применении это означает, что период фактической революции, так называемый переходный этап, должен быть введением, прелюдией к новым социальным условиям. Этот этап является порогом к НОВОЙ ЖИЗНИ, к новому ДОМУ ЧЕЛОВЕКА И ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, и поэтому он должен нести в себе дух новой жизни, гармонично сочетаться с установлением нового строя.

Сегодняшний день – родитель завтрашнего. Настоящее отбрасывает свою тень далеко в будущее. Таков закон жизни, индивидуальной и социальной. Революция, лишая себя этических ценностей, тем самым закладывает фундамент несправедливости, обмана и угнетения для будущего общества. *Средства*, используемые для *подготовки* будущего, становятся его *краеугольным камнем*. Свидетельство тому – трагическое состояние России. Методы государственной централизации парализовали индивидуальную инициативу и усилия; тирания диктатуры вогнала народ в рабскую покорность и почти погасила огонь свободы; организованный терроризм развратил и ожесточил массы и подавил всякое идеалистическое стремление; Институционализированное убийство удешевило человеческую жизнь, уничтожило всякое чувство достоинства человека и ценности жизни; принуждение на каждом шагу сделало усилия горькими, труд – наказанием, превратило все существование в схему взаимного обмана и возродило самые низкие и жестокие инстинкты человека. Жалкое наследие для начала новой жизни в условиях свободы и братства.

Нельзя не подчеркнуть, что революция тщетна, если она не вдохновлена своим высшим идеалом. Революционные методы должны быть согласны с революционными целями. Средства, используемые для продвижения революции, должны гармонизировать с ее целями. Короче говоря, этические ценности, которые революция должна утвердить в новом обществе, должны быть *инициированы* революционной деятельностью так называемого переходного периода. Последний может служить реальным и надежным мостом к лучшей жизни только в том случае, если он построен из того же материала, что и жизнь, которой предстоит достичь. Революция – это зеркало грядущего дня; это ребенок, который должен стать Человеком завтрашнего дня.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Эмма Гольдман
Мое дальнейшее разочарование в России
Глава 12. Послесловие
1924

Переведено 27.03.2025 <https://theanarchistlibrary.org/library/emma-goldman-my-further-disillusionment-in-russia#toc3>

ru.anarchistlibraries.net